

УДК 316.4

DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-3-787-799

Миграции, семья и этничность в сложносоставном региональном сообществе

Ю. П. Шабает

*Институт языка, литературы и истории ФИЦ КНЦ УрО РАН
г. Сыктывкар, Российская Федерация
yupshabaev@mail.ru*

В. М. Пешкова

*Институт социологии ФНИСЦ РАН
г. Москва, Российская Федерация
pever@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Внешние миграции играли существенную роль в процессе формирования территориального сообщества Республики Коми. Решительные изменения в социальном и культурном составе населения и его расселении начались в 1930-е гг., когда республика превратилась в один из центров ГУЛАГа. С середины 1950-х гг. демографические процессы определяла массовая трудовая миграция, а с начала 1990-х – отток населения. Миграции оказывали и продолжают оказывать значительное влияние на демографические и этно-демографические изменения, особенности семейно-брачных отношений в республике.

Цель: оценка характера демографических процессов в Коми, а также в республиках с финно-угорским населением, и влияния этих процессов на социально-культурные ориентации современной периферийной/нестоличной молодёжи.

Материалы исследования: полевые этнографические материалы, данные официальной статистики, опрос студенческой молодёжи 2019 г.

Результаты и научная новизна. Результаты проведённых исследований показали, что Республика Коми переживает глубокий демографический кризис, вызванный оттоком населения и особенно молодёжи. Значительная часть молодых людей настроена на выезд за пределы региона. Казалось бы, в такой ситуации институт семьи и другие традиционные ценности будут утрачивать своё значение для молодёжи, но этого не происходит. Впервые даётся анализ социальной и культурной обусловленности демографических тенденций.

Ключевые слова: миграция, семья, этничность, молодёжь, финно-угры, Коми

Благодарности: Публикация подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00377 «Семья в движении: теоретические и эмпирические проблемы в контексте трудовой миграции в России» и в рамках государственного задания по плановой теме № ЕГИСУ НИОКТР 121042600207-7.

Для цитирования: Шабает Ю. П., Пешкова В. М. Миграции, семья и этничность в сложносоставном региональном сообществе // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 3 (58). С. 787–799.

Migration, family and ethnicity in a complex regional society

Yu. P. Shabaev

*Institute of Language, Literature and History, Federal Research Center
“Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”,
Syktyvkar, Russian Federation,
yupshabaev@mail.ru*

V. M. Peshkova

*Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
pever@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: external migrations played a significant role in the process of formation of the territorial community of the Komi Republic. However decisive changes in the social and cultural composition of the population and its settlement began in the 1930th, when the republic became one of the centers of the GULAG (Main Directorate of Correctional Labour Camps). Since the mid-1950th, demographic processes have been determined by mass labor migration, and since the early 1990th – by

large-scale outflow of the population. Migrations have had and continue to have a significant impact on demographic and ethno-demographic changes, as well as on the peculiarities of family and marriage relations in the republic.

Objective: an assessment of the nature of demographic processes in Komi, as well as in the republics with a Finno-Ugric population, and the influence of these processes on the socio-cultural positions of modern peripheral youth, including orientation towards family and family values.

Research materials: field ethnographic materials, official statistics data, survey of student youth in 2019 in Komi, Udmurtia, Mari El and Mordovia (N=1200) and in 2022 in Karelia, Arkhangelsk region, Komi, Udmurtia, Mari El, Mordovia (N=1600). The surveys were conducted based on the methodology developed by Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2017.

Results and novelty of the research: the Komi Republic is experiencing a deep demographic crisis caused by a large-scale outflow of the population, especially young people. A significant portion of young people are planning to leave the region. It would seem that in such a situation both the institution of family and other traditional values for young people will lose their importance, but as our research shows this is not the case.

Key words: migration, family, ethnicity, youth, ethno-demographic processes, Finno-Ugric, Komi

Acknowledgements: the publication is supported by the Russian Science Foundation grant No 22-18-00377 “Family on the Move: Theoretical and Empirical Problems in the Context of Labor Migration in Russia”.

For citation: Shabaev Yu. P., Peshkova V. M. Migrations, family and ethnicity in a complex regional community // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies*. 2024; 14 (3/58): 787–799.

Введение

Современный мир вступил в эпоху глобальных рисков [33], среди которых находятся и демографические проблемы, включая миграцию, динамику смертности и рождаемости, а также состояние семейно-брачных отношений. Поэтому кажется совершенно логичным, что 2024 г. в России объявлен Годом семьи. Одной из самых острых проблем страны является проблема демографического воспроизводства населения, с которой тесно связана семейная и молодёжная политика. Эта политика должна опираться на глубокий анализ демографических процессов, и в том числе на изучение характера эволюции семейно-брачных отношений. Не вызывает сомнений, что происходящие в территориальных сообществах социальные и демографические/этно-демографические изменения нуждаются в постоянном мониторинге, поскольку от этого зависит эффективность реализации государственных программ регионального развития и федеральных целевых программ.

Территория Республики Коми, как и Европейского Севера в целом, который на рубеже XIX и XX столетий прочно стал маркироваться как особая историческая провинция, именуемая «Русский Север» [27; 28], являются регионами, которые стали первыми колонизируемыми землями, вовлечёнными в сферу российской государственности [21]. К концу XIX в. население края выросло до 129000 чел., т. е. в 17,4 раза по сравнению с серединой XVII в. [13], что произошло за счёт продолжавшейся крестьянской колонизации. Тем не менее, до начала 1930-х гг. эта территория, оставалась малонаселённой, а основную часть её населения составляли коми-

зыряне, хотя на Нижней и Верхней Печоре группы старожильского русского населения сформировались раньше, нежели туда проникли коми [11], часть территорий на севере являлись этническими территориями ненцев, а Верхняя Вычегда (как и Верхняя Печора) многие века входила в ареал хозяйственной деятельности обских угров [5, 17]. Указанные факты свидетельствуют, что население Коми исторически формировалось как миграционное сообщество, но в культурном отношении не было однородным изначально, хотя коми-зыряне преобладали в его составе долгое время.

На рубеже 1920–1930-х гг. Коми область (с 1936 г. – Коми АССР) становится одним из центров ГУЛАГа [17]. Это дало толчок началу урбанизации региона, где к этому времени доля городских жителей не превышала 3 %. С начала 1930-х гг. в Коми началась массовая высылка спецпереселенцев и создание спецпосёлков [8; 9], куда направлялись раскулаченные крестьяне. В течение одного десятилетия поселенческая сеть радикально изменилась: появилось большое количество посёлков спецпереселенцев и лагерных посёлков в неосвоенных частях региона, из которых выросли почти все города Республики Коми. В результате Коми, как и весь европейский север России, в короткие сроки превратились в самые урбанизированные регионы страны [6].

Численность населения стремительно выросла, но при этом территориальное сообщество приобрело характер разделённого социума [10]. По сути, в регионах европейского севера сформировались два параллельных социальных мира. Один из них был представлен в основном

местным крестьянским населением, сохранявшим в значительной мере традиционный крестьянский уклад жизни. Второй – штрафным социумом, членов которого объединяла общность судеб и социальный статус, исключавший этих людей из местных сообществ. Именно эта страта, однако, и стала той силой, с чьей помощью осуществлялась «урбанизация» и «индустриализация» на Севере в целом и в Коми, в частности в 1930 – первой половине 1950-х гг.

Но об индустриализации как форме модернизационного развития на Европейском Севере можно говорить только со второй половины 1950-х гг., когда была разрушена система ГУ-ЛАГа, началось ускоренное промышленное развитие региона, стала принципиально меняться социальная структура и образ жизни местных сообществ в целом, т. е. урбанизация приобрела характер не механического роста числа городов и доли городского населения, а процесса социальной модернизации. Новый этап урбанизации положил начало глубокому кризису традиционных культур северных народов как аграрных социумов, которыми являлись, и всё ещё являются в демографическом отношении российские финно-угры (или «восточно-финские народы» в трактовке западных исследователей), включая и коми. Со второй половины 1950-х начинается массовая трудовая миграция в северные регионы страны, стимулируемая более высокими денежными доходами жителей районов Крайнего Севера. Своего пика численность населения республики достигла в 1989 г. – 1261,0 тыс. чел. [24, 191]. Мигранты из других регионов Советского Союза обеспечивали не только механический рост численности жителей республики, но и значительную часть естественного прироста, поскольку в большинстве это были молодые люди, создававшие в Коми семьи. С начала 1990-х начался масштабный отток населения, особенно из самых северных городов.

Сегодня в республике не осталось муниципальных образований, где бы не фиксировалось сокращение населения [19]. С 1989 по 2021 гг. население сократилось почти на 42 % (см. табл. 1). Переписью 2021 г. в республике было зафиксировано 738 тыс. жителей, а данные текущей статистики показывают, что на начало 2024 г. в республике проживало 721 тыс., т. е. за два года население сократилось ещё на 17 тыс. человек. Заметим, что сложная демографическая ситуация свойственна всем республикам с финно-угорским населением. Характерной чертой

демографических процессов в названных республиках можно назвать устойчивую тенденцию к снижению общей численности населения и к его последовательному старению. По данным переписи населения 2021 г., в Коми средний возраст населения – 40,4 года, в Удмуртии – 40,5 лет, в Марий Эл – 40,7 лет, в Карелии – 42,7 лет, в Мордовии 43,2 года и продолжает увеличиваться достаточно быстро.

Таблица 1

Изменение численности населения республик с финно-угорским населением. По данным переписей населения 1989, 2010 и 2021 гг., тыс. чел

Регион	Численность, тыс. чел.			Убыль, %	
	1989 г.	2010 г.	2021 г. *	1989–2010 гг.	1989–2021 гг.
Республика Марий Эл	749,3	696,5	677,1	-7,1	-9,6
Республика Коми	1250,8	901,0	737,8	-28,9	-41,0
Республика Мордовия	963,5	834,7	783,5	-3,4	-19,7
Республика Карелия	790,2	645,2	533,1	-18,4	-32,5
Республика Удмуртия	1605,6	1521,4	1 452,9	-5,2	-9,5

* Рассчитано по данным переписей населения (по переписи-2020, в таблице указан год проведения)

Миграции оказывали и продолжают оказывать значительное влияние как на демографические и, как показали наши исследования, на этнодемографические изменения [15], а равно и на особенности семейно-брачных отношений в республике, и именно они определяют проблематику региональной социальной политики. В связи с этим представляется актуальным изучение характера демографических процессов в Коми, а также в республиках с финно-угорским населением, и связанных с этими процессами социально-культурными позициями современной периферийной / нестоличной молодёжи, в числе которых ориентации на семью и семейные ценности.

Материалы и методы

Материалами исследования являются полевые этнографические наблюдения разных лет, данные официальной статистики, характеризующие этно-демографическую динамику, опросы студенческой молодёжи, проведенные в 2019 г. в Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии

(N=1200) и в 2022 г. в Карелии, Архангельской области, Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии (N=1600). Опросы проводились на основании методики, разработанной в 2017 г. Институтом этнологии и антропологии РАН. В столицах регионов опрашивались студенты как минимум двух вузов, обучающиеся на разных курсах как по профилю социально-гуманитарных, так и естественнонаучных, технических дисциплин. В Коми было опрошено 300 респондентов. По полу и национальности выборка в Коми (как и в других регионах) была сбалансированной, т. е. доля мужчин и женщин, а равно и представителей основных этнических групп населения соответствовала их доле в составе населения региона. Опрашивались студенты двух вузов. В анкете для опроса основной акцент был сделан на отношении к традиционным ценностям, включая отношение к семье и родственному окружению, семейной памяти. Опрос проводился в гугл-формате, т. е. без использования бумажных носителей, анкета в электронном виде поступала на смартфоны случайным образом отобранных респондентов, сразу же заполнялась и автоматически обрабатывалась, что не только исключало любые внешние воздействия на ответы респондентов, но и позволяло синхронизировать ход опроса в разных регионах.

В общеметодологическом плане настоящая работа основывается на конструктивистском понимании природы этничности и современных теориях модернизации. Но сущность рассматриваемых проблем диктует также необходимость использовать классическую концепцию Центра–Периферии, поскольку центр-периферийная полярность во многом определяет характер социальных и культурных процессов в российских регионах. Отсюда и использование термина «периферийная молодежь», которую отечественные социологи чаще называют нестоличной. Основными методами, использованными при анализе использованных материалов, являлись компаративистский, статистический и социологические, в данном случае – метод массовых опросов.

Результаты

Главной причиной снижения численности является отток населения за пределы республик, который остаётся стабильно высоким уже тридцать лет и объясняется экономическими причинами [23], среди которых надо особо выделить

весьма ощутимый рост территориального неравенства, который как в России, так и на Западе приводит к активному оттоку населения из внутренних городов в мегаполисы [7; 29; 31]. В результате происходит общее старение населения, при этом наиболее существенно его демографическое качество ухудшилось в Карелии и Коми. Здесь в последние годы неуклонно сокращается рождаемость, растёт смертность и быстро снижается количество заключаемых браков. В конце первого десятилетия XXI в. доля молодых людей в возрасте от 15 до 30 лет составляла в Карелии 23,6 %, в Коми – 24,0 %, в Республике Марий Эл – 24,6 %, в Мордовии – 22,0 %, в Удмуртии – 23,7 % [16]. В 2019 г. доля молодых людей в возрасте 15–29 лет в Коми составила 15,5 %, т. е. за десять лет численность молодёжи в республике сократилась почти на 10 %, в Удмуртии доля молодёжи составила в том же году 15,8 %, в Мордовии – 17 %. Это чрезвычайно высокие темпы сокращения численности группы, которая в принципе и должна обеспечивать демографическое воспроизводство [15, 37–38].

Таким образом, массовый отток населения, в первую очередь молодёжи, не может рассматриваться как локальная проблема, а есть свидетельство проблемного характера развития многих регионов. Трудовая миграция, в том числе международная, в Коми полностью не прекратилась, но масштабы её сильно сократились, потоки характеризуются узкой направленностью, стратегии мигрантов являются сугубо экономическими. В угольную Воркуту едут горняки из Кыргызстана и бывшие донецкие шахтёры, а в нефтяную столицу региона Усинск – мигранты из Таджикистана [14]. Подвижность населения республики и неукоренённость многих жителей, конечно, являются важными социальными факторами, воздействующими на характер брачно-семейных отношений.

До первой половины 1950-х гг. на российском севере преобладала форма брачно-семейных отношений, основанная на многодетности, домашнем хозяйстве и семейной кооперации крестьянских семей. В середине 1940-х – первой половине 1950-х гг. бывшие лагерные посёлки получают статус городов и начинают активно развиваться. Происходит отток населения из аграрных поселений в городские, а также в лесопромышленные посёлки, многие из которых сформировались на основе бывших спецпосёлков. Население сёл и деревень состояло

в основном из местных жителей, посёлков – из приезжих. Лесные посёлки стали центрами межэтнического взаимодействия в сельской местности [2] и доля межэтнических браков на селе, хотя и отставала от доли межэтнических браков в городах, была очень существенной.

Что же касается общей динамики национально-смешанных браков в Коми, то в 1939 г. они составляли 23,5 % от общего числа заключённых браков, 1949 г. – 38,9 %, 1959 г. – 41,5 %, 1970 г. – 43,5 %, 1979 г. – 45,8 % [20, 6]. По доле межэтнических браков Коми уступала только Карелии, но все остальные автономные республики (а равно и союзные) по этому показателю от неё сильно отставали. По данным переписей 2002 и 2010 гг., более одной трети коми, проживающих в республике, состояли в этнически-смешанных браках [22, 107]. Иными словами, существенного снижения межэтнических браков не произошло, поскольку принципиально не изменился этнический состав населения. Более того, половозрастные пропорции на селе, сложившиеся внутри титульной этнической группы, заставляют её представителей искать брачных партнёров вне своих этнических сообществ, а в поликультурной среде городов высокая доля этнически смешанных браков становится просто неизбежной.¹

Второй особенностью семей как в Коми, так и на Европейском Севере в целом, является её нестабильность. Семьи северян распадаются чаще, чем среднестатистические российские семьи, и такая ситуация наблюдается уже много лет [25, 23]. Самое большое количество разводов традиционно фиксировалось в северных городах республики, что можно объяснить тем, что в этих, по сути, мигрантских сообществах у семей не было родственного окружения и опоры на родственные связи, а социальный контроль за личной жизнью со стороны местных сообществ был слабым.

Число заключаемых браков в республике в последние десятилетия неуклонно снижалось вместе со снижением численности населения, а число разводов стало приближаться к числу регистрируемых браков. По данным текущей статистики, в 2022 г. в Коми были зарегистрированы 4954 брака и 3781 развод. Однако, официальные данные о брачно-семейных отношениях не могут

адекватно отражать их сложный характер. Самые любопытные явления в этой сфере наблюдались в 1990-е и начале 2000-х гг. В этот период в сельской местности (где проживает более половины коми) многие молодые люди практически перестали заключать браки, поскольку не на что было организовывать свадебное празднование – многие аграрные предприятия разорились или владели жалкое существование, и доходы селян резко сократились. Девушка с парнем в Коми сёлах и деревнях просто съезжались и жили вместе, заводили детей. А официальная статистика фиксировала, что на селе от 40 до 60% детей рождались вне брака (колебания по годам и районам были, но общая картина не менялась). Такая ситуация наблюдалась практически два десятилетия и только тогда, когда молодые семьи стали получать государственную поддержку, официальное оформление брака вновь стало привычным делом. Стоит заметить, что наш анализ материалов ЗАГСов и похозяйственных книг, проводившийся в 1970–1980-х гг., не выявил очевидной зависимости между этническим составом брачных партнёров и стабильностью семьи [25]. Вероятно, эта зависимость отсутствует и ныне, поскольку на стабильность брака оказывают влияние не этническое происхождение мужа и жены, а другие факторы.

Уровень рождаемости в республике неуклонно снижался все последние десятилетия во всех типах семей, включая моноэтничные и полиэтничные, городские и сельские. В 2013 г. индекс рождаемости на селе и в городе стал одинаковым, но затем на селе он вновь стал выше за счёт последовательного снижения этого индекса в городе. В 2020 г. в городе он составил 8,9, на селе – 10,5 [24, 116]. Но поскольку сельское население быстро стареет, снижение рождаемости на селе неизбежно. Что касается городского населения Коми, то пока не удастся добиться укоренения молодёжи и существенно понизить миграционные настроения, ожидать роста рождаемости не стоит. Тем не менее, важно заметить, что значимость семьи для селян существенно выросла в 1990-е гг., когда семья превратилась в основную экономическую ячейку на селе. Но и в городе в постсоветский период семейная кооперация помогает нивелировать низкий уровень доходов северян (и жителей других периферийных

¹ В 2022 г. в Коми выросло число браков, в том числе с иностранцами. URL: https://komi.aif.ru/society/persona/v_2022_godu_v_komi_vyroslo_chislo_brakov_v_tom_chisle_s_inostrancami?ysclid=lxvh25zj1656962993 (дата обращения 27.07.2024).

регионов), который и выталкивает молодёжь за пределы республики [15, 33]. А в самых северных заполярных городах семью начинает укреплять меняющийся этноконфессиональный состав жителей, о чём будет сказано ниже.

Для формирования эффективной региональной социальной, и в том числе семейной политики, необходимо учитывать не только миграционные настроения молодёжи, но и их отношение к институту семьи в целом. Да, молодёжь активно покидает Коми и другие северные и депрессивные регионы, в результате чего её доля в составе населения многих регионов быстро сокращается, а население стареет [3]. Но, в связи с этим важно понять, не влияют ли эти настроения на отношение молодёжи к созданию семьи и деторождению.

Опрос студенческой молодёжи, проведённый в октябре 2019 г. в Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии (N=1200, по 300 респондентов в каждом регионе) показал¹, что в столице Коми довольны жизнью в городе только 10% респондентов и «скорее довольны» ещё 42 %, хотя доля тех, кто в той или иной мере недоволен ситуацией, очень весома – 40% (остальные затруднились с ответом). Доля опрошенных, имеющих представление о пути развития республик, в которых они проживают, не велика: в Коми и в Удмуртии 7 и 8 % соответственно, в Марий Эл таковых – 13,7 %, в Мордовии – 12 %. Ещё 40 % неуверенно заявили, что слышали о неких планах, но не имеют о них ясного представления (Удмуртия – 41,8 %, Марий Эл – 41,7 %, Мордовия – 36 %). Примерно также отвечали жители Коми и других северных регионов республики на данный вопрос и в 2010 г. Это означает, что периферийные регионы развиваются в условиях высокой неопределённости, должного диалога между властью и населением нет, и люди живут в условиях отсутствия социальной перспективы и дефицита коммуникаций с региональными и местными властями.

Поскольку перспективы развития Коми и других республик с финно-угорским населением неясны, постольку, во-первых, большинство студентов не хотят отождествлять себя с местным сообществом: 80 % опрошенных студентов заявили, что хотели бы, чтобы их рассматрива-

ли, прежде всего, как граждан страны, 4 % – как представителей определённой национальности и 9 % – как жителей республики. Во-вторых, общая ситуация в республике побуждает молодёжь мигрировать за пределы Коми. Только 13 % однозначно заявили, что они не покинут регион, 36 % намерены выехать в другой регион РФ, 20 % – за пределы России. Главным мотивом миграции является, согласно заявлениям респондентов, невозможность реализовать себя, оставаясь в Республике Коми. Иными словами, для молодёжи Коми – это бесперспективный регион. Схожая ситуация имеет место и в других республиках с финно-угорским населением [15, 39–40; 32].

Каковы мотивы миграции? Как наши исследования, так и экспертные оценки других исследователей показывают, что в основном молодёжь не удовлетворена состоянием рынка труда и перспективами социальной мобильности [12], а потому пытается обеспечить себе лучшее будущее, выезжая в другие регионы РФ. В этом стремлении многих молодых людей поддерживают родители, поскольку они тоже не считают Коми перспективным регионом (примечательно, что сходная ситуация наблюдается исследований, и в процветающих нефтегазовых городах Западной Сибири [4]).

Молодёжи свойственен социальный оптимизм, но опросы последних лет, проведённые в Коми и других периферийных регионах (на Европейском Севере и в Поволжье) показывают, что общая социально-экономическая ситуация, имеющая место в указанных регионах, достаточно ощутимо влияет на степень социального оптимизма молодёжи и этот фактор очевидно способствует высокому уровню миграционных настроений у молодёжи.

В качестве иллюстрации указанных настроений сошлёмся на данные опроса студентов, проведённого в октябре 2022 г. в Карелии, Архангельской области, Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии, целью которого было выявление жизненных ценностей молодёжи и системы их этнокультурных и этнополитических воззрений. В ходе исследования было опрошено 1600 чел., причём опрашивались студенты разных вузов, с различных курсов и факультетов,

¹ Подробнее о методике см.: Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред.: В. А. Тишков, В. С. Воронцов, В. В. Степанов. Москва-Оренбург-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017.

при соблюдении баланса между юношами и девушками. Доля оптимистов в Коми намного меньше половины опрошенных и стоит заметить, что аналогичные настроения зафиксированы в ходе этого исследования в Карелии, Архангельской области, несколько выше уровень оптимизма в Мордовии и Марий Эл (см. табл. 2), но долю оптимистично оценивающих своё будущее молодых людей и здесь нельзя считать высокой, хотя в Карелии и Удмуртии она достаточно приемлема.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «С каким настроением Вы смотрите в будущее?»

Вариант ответа	%% указавших в Коми	%% по выборке в целом
С надеждой и оптимизмом	42,1	46,4
Спокойно, но без особых надежд и иллюзий	37,8	32,3
С тревогой и неуверенностью	14,0	13,3
Со страхом и отчаянием	3,7	2,7
Затрудняюсь ответить	2,4	5,3

Принципиальный вопрос, на который следует ответить при анализе системы ценностей современной периферийной российской молодёжи, состоит в том, насколько она привержена традиционным российским ценностям, в какой мере сохраняется преемственность культурного позиционирования.

Оценить позиции молодёжи можно на основе анализа ближайших жизненных целей студентов. Если использовать рейтинговый принцип распределения, то среди этих целей вполне закономерно оказываются цели, которые связаны с решением проблемы материальной обеспеченности (31,4 % в целом по выборочной совокупности, 30,1 % – в Коми), но они, однако, обусловлены тем, что современные молодые люди вполне серьёзно задумываются о своём будущем и считают, что для создания семьи и успешной семейной жизни необходимо начинать с создания прочного материального фундамента семейного благополучия. Второе место в числе приоритетных целей также занимает успешное завершение учёбы в вузе (22,6 % – в Коми, 28,3 % по выборочной совокупности в целом), что означает, что многие современные молодые люди выстраивают свои жизненные

стратегии по принципу последовательности решения наиболее значимых проблем, связанных с «обустройством своего жизненного пути». И всё же соображения материального благополучия и личной трудовой востребованности являются «основным стержнем», вокруг которого строятся жизненные стратегии современной периферийной молодёжи, ибо третьим по значимости для респондентов пунктом, стал вариант «зарабатывать деньги, делать карьеру, остальное потом». Его отметили 20,3 % в Коми (15,5 % в целом по выборочной совокупности), а это значит, что половина молодёжи нацелена на обеспечение материального достатка и активный карьерный рост, поскольку 2,7 % заявили о желании после завершения учёбы делать свой бизнес, а 1,3 % хотели бы заняться политикой. Ближайшие жизненные цели периферийной молодёжи рациональны, причём это относится к подавляющему большинству респондентов, поскольку только 5,7 % в целом и 8,4 % в Коми заявили, что ещё не определились со своими жизненными планами.

Среди традиционных ценностей молодёжи (семья, труд, религия, отношения с родственниками и своим культурным корням), важное место занимает отношение к семье. Ценность семьи для современной молодёжи остаётся высокой, и подавляющее большинство студентов уже на студенческой скамье задумываются о её создании. При этом укажем, что опросы молодёжи, проведённые ЦИМО Института этнологии и антропологии в середине 1990-х гг., т. е. в пореформенной России, переживавшей глубокие социальные и политические трансформации и коррозию прежних ценностей, показывали практически такое же отношение к семье, как и у современной молодёжи [15, 29], что говорит, как о преемственности поколений, так и о стабильности базовых ценностей российского общества. Современные молодые люди очень высоко оценивают значимость семьи: 65,2 % респондентов в Коми указали, что «семья – это основа всего», а 17,1 % считают, что «семья нужна для удовлетворения первичных потребностей человека», что в принципе синонимично первой формулировке. Вместе с тем, 7,4 % респондентов полагают, что человек может существовать и без семьи и социальная практика подтверждает подобный вывод. А 4,9 % заявили, что «семья и семейные отношения становятся всё менее привлекательными»

(см. табл. 3). Но абсолютно доминирующей является позиция безоговорочного признания ценности семьи для отдельного человека. И в этой связи, конечно, существенно значимым индикатором становится то, собираются ли молодые люди, высоко оценивающие значимость института семьи, сами создавать собственные семьи.

Таблица 3

Значимость семьи для периферийной молодёжи

Наименование позиции	%% указавших по Коми	%% по выборке в целом
Семья – это основа всего, без поддержки семьи (родителей, родственников) жить сложно	65,2	70,4
Семья нужна для удовлетворения первичных потребностей человека (в общении, во взаимопомощи, в продолжении рода, в любви и т.д.)	17,1	14,7
Я думаю, что человек вполне может прожить и без семьи	7,4	4,4
Сегодня семья и семейные отношения становятся все менее привлекательными	4,9	3,9
Другое	–	1,8
Затрудняюсь ответить	2,4	3,3

По поводу создания собственной семьи планы большей части студенческой молодёжи Коми вполне конкретны, ибо две трети (67,1 %) опрошенных заявили, что собираются создавать собственные семьи, 17,1 % ещё не думали об этом, что тоже объяснимо (вероятно, это студенты младших курсов), и только 6,7 % заявили, что не собираются создавать семью, 8,0 % затруднились с ответом (см. табл. 4).

Таблица 4

Планы периферийной молодёжи по созданию собственных семей

Наименование позиции	%% указавших по Коми	%% по выборке в целом
Собираюсь создать свою семью	67,1	69,5
Я об этом ещё не думал/а	17,1	16,3
Нет, не собираюсь создавать семью	6,7	5,0
Другое	0,6	1,2
Затрудняюсь ответить	7,9	8,0

Ответы на вопрос о планах относительно детей пересекаются с ответами на предыдущий вопрос о создании семьи: 61,6 % опрошенных в Коми студентов планируют иметь детей, 13,4 % ещё не думали об этом, 12,2 % указали, что не планируют. В целом, семья, как и труд, также занимает важное место в системе ценностей студенческой молодёжи Республики Коми, и не смотря на многочисленные негативные оценки и сценарии, мы можем констатировать, что молодёжь верит в институт семьи и демонстрирует стремление реализоваться в нём (см. табл. 5). При этом позиции молодёжи в Коми ничем не отличаются от позиций периферийной молодёжи в целом, о чём свидетельствуют данные опроса.

Таблица 5

Планы периферийной молодёжи, касающиеся деторождения в будущих семьях

Наименование позиции	%% указавших по Коми	%% по выборке в целом
Да, собираюсь иметь детей	61,6	64,4
Я об этом ещё не думал/а	13,4	14,5
Не собираюсь иметь детей	12,2	8,2
Другое	–	1,4
Затрудняюсь ответить	10,4	11,5

Нет сомнений в том, что труд, а также семья, а равно и дети в семье есть важные ценности и ориентиры для выстраивания жизненных стратегий современной периферийной студенческой молодёжью. Суммируя всё вышесказанное, мы можем заключить, что молодёжь республики ориентирована на семейные ценности, но не на укоренение в регионе. И то же самое можно сказать о ряде других периферийных регионов Севера [1; 26].

Но можно ли решить демографические проблемы региона за счёт укоренения молодёжи? Очевидно, что нет. Без миграции трудовых ресурсов из-за пределов республики сложившиеся демографические тенденции переломить не удастся в среднесрочной перспективе, особенно это касается городов Заполярья, по поводу будущего которых есть озабоченность как у российских специалистов, так и у их западных коллег [32]. Но в последние годы появилась надежда на то, что на севере Коми начнётся

реализация новых крупных проектов: по поручению Президента разработан мастер-план развития Воркуты (население которой с 1989 г. сократилось втрое), а главное у российской промышленности возникла острая необходимость в добыче дефицитных ресурсов, содержащихся в недрах республики. При этом стал существенно меняться этнокультурный и этноконфессиональный состав населения самых северных промышленных городов республики, и резко изменился их социокультурный ландшафт. Ещё в 1990-е и нулевые годы местные городские сообщества были настроены антиисламски [26] и всячески препятствовали строительству мечетей в Сыктывкаре и Воркуте. Первый православный храм в Воркуте появился в 1997 г., строительство большого православного храма началось в 2005 г. Попытки тогда же начать строительство мечети были безуспешными. Но в последующие годы настроения жителей «заполярной кочегарки» радикально изменились и в 2010 г. удалось заложить мечеть, хотя её строительство продолжалось более 10 лет. Сегодня мусульманская община Воркуты выросла и численно, и организационно, поскольку на воркутинские шахты приезжают горняки из Кыргызстана и Казахстана, а также мигранты-мусульмане из российских регионов, появилось интернет-сообщество «Мусульмане Воркуты». А главное – мусульмане стали привозить в Воркуту свои семьи. Если эту тенденцию удастся закрепить, то демографическая ситуация очевидно улучшится. Председатель воркутинской городской организации мусульман имам-хатыб Магомедов ещё несколько лет назад заявил, что сегодня 20–25 % жителей – приезжие мусульмане и у города есть будущее [18]. Во многом он оказался прав, ибо как показали недавние полевые исследования, положение мусульманской общины Воркуты и особенно её центральноазиатского сегмента остаётся стабильным.

Обсуждение и заключение

Сокращение населения как в Коми, так на Европейском Севере в целом, а также и во многих регионах Поволжья продолжается, включая республики с финно-угорским населением, а данные опросов молодёжи показывают, что исход молодёжи из республик не остановлен [15; 24; 34]. При этом заметного изменения этнических пропорций в составе населения республик

не происходит. Об этом свидетельствует анализ материалов переписи-2020 и предыдущих переписей населения [29], а это значит, что мигрируют за пределы республик представители всех основных этнических групп населения одинаково активно.

Что касается результатов массовых опросов населения, на которые мы опирались в своём анализе, то они позволяют сделать следующие выводы.

Этничность для современной молодёжи, проживающей в республиках с финно-угорским населением, сохраняет важное значение, но связь с культурно-языковыми сообществами, к которым принадлежали родители и предки молодых людей, приобретает преимущественно символический характер. Во-вторых, для российской периферийной молодёжи характерна ориентация на традиционные ценности, включая родственные связи и семью.

Создание и развитие молодых семей имеет чёткую зависимость от прагматических интересов молодёжи, связанных с профессиональным и карьерным ростом, создания прочного материального фундамента семьи, а решение этих задач нередко молодые люди связывают с необходимостью миграции за пределы своего региона. Миграционные установки и стремление к социальной мобильности препятствуют раннему созданию семьи и многодетности. Нужна активная политика по закреплению молодёжи в периферийных и особенно северных регионах и пропаганда многодетности как статусной позиции, т. е. отражения личного и семейного благополучия молодой семьи (и семьи в целом).

И, тем не менее, решить демографические проблемы республики только за счёт внутренних ресурсов и возможностей уже не получится. Необходимо стимулировать внешнюю миграцию, причём из тех регионов на постсоветском пространстве, где велика доля молодёжи, нуждающейся в трудоустройстве. А в качестве таковых могут рассматриваться, например, государства Средней Азии. Но нужна продуманная политика миграции и политика укоренения, при этом необходимо создавать и эффективные доктрины, программы и практики гражданской интеграции в регионах, в том числе в таких как Коми, где весьма значимым является миграционный фактор и наличествует сложный состав населения. Сегодня таких программ нет, что создаёт весьма ощутимые социальные риски.

Список источников и литературы

1. Антропология города. Выпуск 2: Северный город: Культурное пространство и культурные идентичности в арктических и субарктических городах / под ред. Ю. П. Шабаева, И. Л. Жеребцова, М. А. Омарова. М.: РГГУ; Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2020. 218 с.
2. Белорукова Г. П. Лесные рабочие Коми АССР: этнокультурные процессы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. 19 с.
3. Географические особенности старения населения России / А. Н. Петросян, Е. И. Шевчук, П. Л. Кириллов, Н. А. Мозгунов // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 2. С. 55–83. DOI.org/10.17323/demreview.v6i2.9872.
4. «Дети девяностых» в российской Арктике / под ред. Н. Б. Вахтин, Ш. Дудек. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2020. 432 с.
5. Жеребцов И. Л. Формирование этнической территории коми (зырян). Сыктывкар: Изд-во КФАН СССР, 1977. 25 с. (Серия препринтов «Научные доклады». Коми филиал АН СССР. Вып. 31).
6. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Российская Арктика. К новому пониманию процессов освоения. М.: URSS, 2019. 400 с.
7. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах // Региональные исследования. 2024. № 1. С. 4–18. <https://doi/10.5922/1994-5280-2024-1-1>.
8. Игнатова Н. М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар: ИЯЛИ, 2009. 192 с.
9. Коротаев В. И. На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е годы XX века. Архангельск: Поморский университет, 2004. 133 с.
10. Котов О. В., Рогачев М. Б., Шабаев Ю. П. Современные коми. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. 178 с.
11. Лашук Л. П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. 200 с.
12. Макарова Г.И. Отношение к городу и миграционные установки жителей нестоличных городов Татарстана // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 2. С. 197–230. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.2.9.
13. Мартюшев А. М. Движение населения Коми области за 300 лет // Коми му. 1927. № 10–11. С. 41–55.
14. Миграция в Республике Коми. URL: <https://tochno.st/problems/migrants/regions/komi?ysclid=m1hmgso5ze814992805> (дата обращения: 04.08.2024).
15. Молодёжь в политическом и культурном пространстве республик с финно-угорским населением: позиции, настроения, риски / Ю. П. Шабаев, В. Н. Бирин, Н. П. Миронова и др. М.: РГГУ, 2021. 388 с.
16. Молодёжь в России. 2010: Статистический сборник. ЮНИСЕФ, Росстат. М.: Статистика России, 2010. 166 с.
17. Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае 1929–1956. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1997. 190 с.
18. Приймак А. «В шахте, в забое молимся спокойно». Лидер мусульман Воркуты уверен, что у заполярного города есть будущее // Независимая газета. От 18 сентября 2019 г.
19. Регионы России. Социально-экономические показатели 2021. Статистический сборник. Москва: Росстат, 2021. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2022/0937/biblio01.php> (дата обращения: 04.07.2024).
20. Рогачёв М. Б. Межнациональные браки как фактор этнических процессов у коми (на примере языковой жизни молодых коми-русских семей). Сыктывкар: Изд-во КФАН СССР, 1985. 21 с. (Серия препринтов «Научные доклады». Коми филиал АН СССР. Вып. 116).
21. Савельева Э. А. Кленов М. В. Пожегское городище. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1992. 34 с. (Серия препринтов «Научные доклады Коми НЦ УрО РАН». Вып. 278).
22. Сороко Е. Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2015. Т. 1. № 4. С. 96–123. DOI.org/10.17323/demreview.v1i4.1804
23. Статистический ежегодник Республики Коми. 2019: статистический сборник. Сыктывкар: Комистат, 2020. 347 с.
24. Фаузер В.В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграции, расселение / Ижевск: Принт, 2023. 308 с. (Серия «Библиотека демографа». Вып. 22).
25. Шабаев Ю. П. Семья: надежды и проблемы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. 78 с.
26. Шабаев Ю. П. Исламский фактор в Коми и проблемы региональной национальной политики // Этнопанорама. 2004. № 3–4. С. 20–27.
27. Шабаев Ю. П., Жеребцов И. Л., Журавлев П. С. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Европейский север: локальные группы и этнические границы. Сыктывкар: [б. и.], 2012. С. 6–28.
28. Шабаев Ю. П., Омаров М.А. Регионализм и этничность в России: историческая эволюция и современные политические практики. М.: РГГУ, 2021. 482 с.
29. Шабаев Ю. П. Демографическая «катастрофа» российских финно-угров: социальная и политическая мотивированность дрейфа идентичностей // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19. № 4. С. 634–647.
30. Этнический фактор в общественно-политической жизни регионов России / под ред.: А. Е. Загребина, В. С. Воронцова. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2022. 451 с.
31. Buchholz M., Bathelt H. Relational hinterlands in the USA have become disconnected from major global centres // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2024. Vol. 17. Issue 1. Pp. 219–234. DOI: 10.1093/cjres/rsad034.

32. Centner R. A very Nordic set of concern? Visionary, circumspection and theoretical conservations with the rest of the word // *Nordic Journal of Urban Studies*. 2021. Vol. 1. № 1. Pp. 19–41. DOI: 10.18261/issn.2703-8866-2021-01-02.
33. Global risk report 2024. URL: <http://www.weforum.org/publication/global-risks-report-2024/> (дата обращения: 04.08.2024).
34. Shabaev Iu. P., Mironova N. P., Poliakov Iu. V. Ethnocultural and Ethnopolitical Outlooks of Young People in the Russian Republics of Kareliia, Komi, Udmurtiia, Marii El, and Mordoviia // *REGION. Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2022. Vol. 11. № 1. Pp. 5–27. DOI: 10.1353/reg.2022.0001.
35. Zubarevich N. V., Safonov S. G. Fiscal Differentiation of Russian Regions: Scope and Dynamics // *Regional Research of Russia*. 2024. Vol. 13. № 4. Pp. 682–690. DOI: 10.1134/S2079970523700971.

References

1. *Antropologiya goroda. Vypusk 2: Severnyj gorod: Kul'turnoe prostranstvo i kul'turnye identichnosti v arkticheskikh i subarkticheskikh gorodakh* [Anthropology of a city. Issue 2: Northern city: Cultural Space and cultural identities in Arctic and Subarctic cities]. Ed. Yu. P. Shabaev, I. L. Zherebtsov, M. A. Omarov. Moscow: RGGU Publ.; Syktyvkar: In-t yazyka, literatury i istorii Komi NC UrO RAN Publ., 2020. 218 p. (In Russian)
2. Belorukova G. P. *Lesnye rabochie Komi ASSR: etnokul'turnye processy* [Forest workers of the Komi ASSR: ethnocultural processes]. Moscow, 1974. 19 p. (In Russian)
3. Petrosyan A. N., Shevchuk E. I., Kirillov P. L., Mozgunov N. A. *Geograficheskie osobennosti stareniya naseleniya Rossii* [Geographical features of the aging population of Russia]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Survey], 2019, no. 6 (2), pp. 55–83. DOI.org/10.17323/demreview. v 6i2.9872. (In Russian)
4. “*Deti devyanostykh*” v rossiiskoi Arktike [“Children of the Nineties” in the Russian Arctic]. Ed. N. B. Vakhtin, Sh. Dudek. Saint-Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta Publ., 2020. 432 p. (In Russian)
5. Zherebtsov I. L. *Formirovanie etnicheskoi territorii komi (zyryan)* [Formation of the ethnic territory of the Komi (Zyryan) people]. Syktyvkar: KFAN SSSR Publ., 1977. 25 p. (*Ser. preprintov “Nauchnye doklady”*. Komi filial AN SSSR. No. 1) [Series of preprints “Scientific reports”. Komi branch of the USSR Academy of Sciences. Issue 31]. (In Russian)
6. Zamyatina N. Yu., Pilyasov A. N. *Rossijskaya Arktika. K novomu ponimaniyu processov osvoeniya* [Russian Arctic. Towards a new understanding of development processes]. Moscow: URSS Publ., 2019. 400 p. (In Russian)
7. Zubarevich N. V., Safronov S. G. *Mezhregional'noe neravenstvo v Rossii i postsovetских stranah* [Interregional inequality in Russia and post-Soviet countries]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], 2024, no. 1, pp. 4–18. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1. (In Russian)
8. Ignatova N. M. *Specpereselency v Respublike Komi v 1930–1950-e godyu* [Special settlers in the Komi Republic in the 1930s–1950s]. Syktyvkar: IYALI Publ., 2009. 192 p. (In Russian)
9. Korotaev V. I. *Na poroge demograficheskoi katastrofy: prinuditel'naya kolonizaciya i demograficheskij krizis v Severnom krae v 30-e gody XX veka* [On the verge of a demographic catastrophe: forced colonization and demographic crisis in the Northern territory in the 30s of the XX century]. Arkhangel'sk: Pomorskij universitet Publ., 2004. 133 p. (In Russian)
10. Kotov O. V., Rogachev M. B., Shabaev Yu. P. *Sovremennye komi* [Modern Komi people]. Yekaterinburg: UrO RAN Publ., 1996. 178 p. (In Russian)
11. Lashuk L. P. *Ocherk etnicheskoi istorii Pechorskogo kraja* [Essay on the ethnic history of the Pechora region]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1958. 200 p. (In Russian)
12. Makarova G. *Otnosheniye k gorodu i migratsionnyye ustanovki zhitel'ev estolichnykh promyshlennykh gorodov Tatarstana* [Attitude to the city and migration strategies of residents of noncapital industrial cities of Tatarstan]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2023, no. 26 (2), pp. 197–230. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.2.9. (In Russian)
13. Martyushev A. M. *Dvizhenie naseleniya Komi oblasti za 300 let* [Population movement of the Komi region over 300 years]. *Komi mu* [Komi Land], 1927, no. 10–11, pp. 41–55. (In Russian)
14. *Migratsiya v Komi* [Migration in Komi]. Available at: <https://tochno.st/problems/migrants/regions/komi?ysclid=m1hmgso5ze814992805> (accessed August 04, 2024). (In Russian)
15. Shabaev Yu. P., Birin V. N., Mironova N. P. et al. *Molodezh' v politicheskom i kul'turnom prostranstve respublik s finno-ugorskim naseleniem: pozicii, nastroyeniya, riski* [Youth in the political and cultural space of the republics with a Finno-Ugric population: positions, sentiments, risks]. Moscow: RGGU Publ., 2021. 388 p. (In Russian)
16. *Molodezh' v Rossii. 2010: Stat. sb.* [Youth in Russia. 2010: Collection of articles]. Moscow: Statistika Rossii Publ., 2010. 166 p. (In Russian)
17. Morozov N. A. *GULAG v Komi krae 1929–1956* [GULAG in the Komi region of the 1929–1956s]. Syktyvkar: Syktyvkar'skij un-t Publ., 1997. 190 p. (In Russian)
18. Priymak A. “*V shahte, v zaboe molimsya spokojno*”. *Lider musul'man Vorkuty uveren, chto u zapolyarnogo goroda est' budushchee* [“In the mine, in the face, we pray calmly”. The leader of Vorkuta Muslims is confident that the polar city has a future]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper], 2019, September 18. (In Russian)
19. *Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli 2021. Statisticheskij sbornik* [Regions of Russia. Socio-

economic indicators of the 2021. Statistical collection]. Moscow: Rosstat Publ., 2021. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/2022/0937/biblio01.php> (accessed July 07, 2024). (In Russian)

20. Rogachev M. B. *Mezhnacional'nye braki kak faktor etnicheskikh processov u komi (na primere yazykovoj zhizni molodyh komi-russkikh semej)* [Interethnic marriages as a factor in ethnic processes among the Komi (on the example of the linguistic life of young Komi-Russian families)]. Syktyvkar: KFAN SSSR Publ., 1985. 21 p. (*Seriya preprintov "Nauchnye doklady". Komi filial AN SSSR. Vyp. 116* [Series of preprints "Scientific reports of Komi branch of the USSR Academy of Sciences", no. 116]). (In Russian)

21. Savelyeva E. A., Klenov M. V. *Pozhegskoe gorodishche* [Pozhegsky settlement]. Syktyvkar: Komi NC UrO RAN Publ., 1992. 34 p. (*Seriya preprintov "Nauchnye doklady Komi NC UrO RAN". Vyp. 278* [Series of preprints "Scientific reports of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences", no. 278]). (In Russian)

22. Soroko E. L. *Etnicheski smeshannye supruzheskie pary v Rossijskoj Federacii* [Ethnically mixed couples in the Russian Federation]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 2015, no. 1 (4), pp. 96–123. DOI.org/10.17323/demreview.v1i4.1804. (In Russian)

23. *Statisticheskij ezhegodnik Respubliki Komi 2019: stat. sb.* [Statistical yearbook of the Komi Republic of the 2019: collection of articles]. Syktyvkar: Komistat Publ., 2020. 347 p. (In Russian)

24. Fauzer V. V. *Respublika Komi na rubezhe vekov: demografiya, migracii, rasselenie* [Komi Republic at the turn of the century: demography, migration, settlement]. Izhevsk: Print Publ., 2023. 308 p. (*Seriya "Biblioteka demografa"*, vyp. 22 [Series "Demographer's Library", no. 22]). (In Russian)

25. Shabaev Yu. P. *Sem'ya: nadezhdy i problem* [Family: hopes and problems]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izd-vo Publ., 1989. 78 p. (In Russian)

26. Shabaev Yu. P. *Islamskij faktor v Komi i problemy regional'noj nacional'noj politiki* [Islamic factor in the Komi Republic and problems of regional national policy]. *Etnopanorama* [Ethnopanorama], 2004, no. 3–4, pp. 20–27. (In Russian)

27. Shabaev Yu. P., Zherebtsov I. L., Zhuravlev P. S. "Russkij Sever": kul'turnye granicy i kul'turnye smysly ["Russian North": cultural boundaries and cultural meanings]. *Evropejskij sever: lokal'nye gruppy i etnicheskie granicy* [European North: local groups and ethnic boundaries]. Syktyvkar: [w/p], 2012. Pp. 6–28. (In Russian)

28. Shabaev Yu. P., Omarov M. A. *Regionalizm i etnichnost' v Rossii: istoricheskaya evolyuciya i sovremennye politicheskie praktiki* [Regionalism and ethnicity in Russia: historical evolution and contemporary political practices]. Moscow: RGGU Publ., 2021. 482 p. (In Russian)

29. Shabaev Yu. P. *Demograficheskaya "katastrofa" rossijskikh finno-ugrov: social'naya i politicheskaya motivirovannost' dreifa identichnostej* [Demographic "catastrophe" of Russian Finno-Ugric peoples: social and political motivation of identity drift]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX], 2023, no. 19 (4), pp. 634–647. (In Russian)

30. *Etnicheskij faktor v obshchestvenno-politicheskoi zhizni regionov Rossii: kollektivnaya monografiya* [Ethnic factor in the socio-political life of the regions of Russia: collective monograph]. Ed. A. E. Zagrebin, V. S. Vorontsova. Izhevsk: Institut komp'yuternyh issledovanij Publ., 2022. 451 p. (In Russian)

31. Buchholz M., Bathelt H. Relational hinterlands in the USA have become disconnected from major global centres. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2024, no. 17 (1), pp. 219–234. DOI: 10.1093/cjres/rsad034. (In English)

32. Centner R. A very Nordic set of concern? Visionary, circumspection and theoretical conservations with the rest of the word. *Nordic Journal of Urban Studies*, 2021, no. 1 (1), pp. 19–41. DOI: 10.18261/issn.2703-8866-2021-01-02. (In English)

33. *Global risk report 2024*. Available at: <http://www.weforum.org/publication/global-risks-report-2024/> (accessed August 04, 2024). (In English)

34. Shabaev Yu. P., Mironova N. P., Poliakov Yu. V. Ethnocultural and Ethnopolitical Outlooks of Young People in the Russian Republics of Kareliia, Komi, Udmurtiia, Marii El, and Mordoviia. *REGION. Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, 2022, no. 11 (1), pp. 5–27. DOI: 10.1353/reg.2022.0001. (In English)

35. Zubarevich N. V., Safonov S. G. Fiscal Differentiation of Russian Regions: Scope and Dynamics. *Regional Research of Russia*, 2024, no. 13 (4), pp. 682–690. DOI: 10.1134/S2079970523700971. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шабает Юрий Петрович, заведующий сектором этнографии, Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Ками научного центра Уральского отделения Российской академии наук» (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), доктор исторических наук.

yupshabaev@mail.ru

ORCID ID: 000-0002-0867-4662

Пешкова Вера Михайловна, ведущий научный сотрудник Института социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (109544, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр. 1), кандидат исторических наук.

pever@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3530-922X

ABOUT THE AUTHORS

Shabaev Yuriy Petrovich, Head, Ethnography Sector, Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center “Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” (167982, Russian Federation, Komi Republic, Syktyvkar, Kommunisticheskaya Str., 26), Doctor of Historical Sciences.

yupshabaev@mail.ru

ORCID ID: 000-0002-0867-4662

Peshkova Vera Mikhaylovna, Leading Researcher, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (109544, Russian Federation, Moscow, Bolshaya Andronyevskaya Str., 5, building 1), Candidate of Historical Sciences.

pever@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3530-922X